

ВСЕРОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
имени М.И.РУДОМИНО

НОМЕР 1/1993

Звезда

ВЕСТНИК ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЕЖЕКВАРТАЛЬНОЕ
КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

ИЗДАЕТСЯ С 1961 г.

№ 1 (313)
ЯНВАРЬ-МАРТ 1993 ГОДА

советской властью и совсем хорошо¹. К тому же экономическое положение в стране создавало благоприятное «окно возможностей» для тех, кто имел валюту из других стран, как, например, из Франции или США. В 1923 году в Германии было больше сорока издательств на русском языке, три ежедневные газеты («Рул», «Накануне» и «Дни») и больше двадцати русских журналов. Железнодорожные, а с мая 22-го года и авиационные связи способствовали свободному движению людей и идей между Россией и Германией. До определенной степени это было возвращением к тому положению, которое существовало до войны, когда русская интеллигенция чувствовала себя как дома в университетах, на курортах и в казино Германии.

Самым главным для писателей было то, что Германия оказалась идеальным и надежным местом для печатания их работ. В Советской России тогда книг выходило немного. В 1920 году, например, в России было издано 742 книги, тогда как в том же году в Англии — 11026, в Америке — 8329, а в Германии — 37345. Показательно: в 1922 году в одном Берлине выходит 471 книга на русском языке, а в 1923 году — уже 667.

Может быть, лучшее свидетельство находим в словах Яценко, редактора библиографических журналов «Русская книга» и «Новая русская книга»: — «Свобода и терпимость Германской республики, дружественное и гостеприимное отношение германского народа (единственного, оказавшегося истинным другом русских в эти трудные годы), скопление здесь, в силу этого, значительных русских интеллигентных и предпринимательских сил, дешезизна производства, совершенство и эластичность германской типографической техники, разработанность методов международной торговли, либерализм германского законодательства и закона о прессы — все эти и многие другие условия способствовали тому, что Берлин действительно стал «третьей (умственной) столицей» России. Законы экономической конкуренции на едином рынке привели к тому, что мало-помалу почти все русские книгоиздательства в других странах, кроме Германии, должны были прекратить свою деятельность или перенести печатание книг в Германию»².

Феномен «Русский Берлин» в 80-х годах опять привлек внимание исследователей, в том числе книги: «Русский Берлин» Л.Флейшмана и Р.Хьюза и «Русские в Берлине» Фрица Мерау³. В моей работе над Андреем Белым, Мариной Цветаевой, Верой Лурые и Берлинским домом искусств я даю «Русский Берлин» от ноября 1921 до октября 1923 года. Это время совпадает с приездом и выездом Андрея Белого и с созданием Берлинского Дома Искусств (Диска)⁴.

Почему именно это время? Мы уже перечислили несколько экономических и политических факторов, подготовивших почву для этого процветания. Но были и другие причины. Два трагических события лета 1921 года, мне кажется, объясняют ускоренный темп выезда из России представителей интеллигенции. Это смерть Александра Блока 7 августа 1921 года и арест Николая Гумилева. Терпимость правительства к инакомыслящим исчерпалась. Через два месяца

¹ Вас.И.Немирович-Данченко. «Письмо из Берлина». Литературные записки, I, 23 июня 1922, стр.10-11; «Письмо из Берлина». Литературные записки, 3, 1 августа 1923, стр.14-15.

² А.Яценко. «Литература за пять истекших лет». Новая Русская Книга, 11/12 ноября-декабрь 1922, стр.2. См. недавний обзор с отличной библиографией в HARTMUT WALRAVENS «Blaue Nächte in Berlin...». 624m russischen Verlagswesen im Berlin der zwanziger Jahre. Aus dem Antiquariat, 5.1987, pp.A189-A195.

³ Fritz Mierau, Russen in Berlin 1918-1933 (Berlin: 1988); L. Fleischman, R.Hughes, Русский Берлин 1921-1923 (Paris: 1983).

⁴ Thomas Beyer, «The Russian House of the Arts and Writers Club: Berlin 1921-1923» in «Russian Berlin: Publishers and Writers» (Berlin Verlag: 1987), 9-38, and «Andrej Belyj — the Berlin Years 1921-1923». Zeitschrift fuer Slavische Philologie, L (1990), 90-142.

остаются одними и теми же: в Америке, Японии, России. В ранних стихах Фолкнера чувствуется сильное, на грани эпигонства, влияние Элиота. Но, может быть, объект для подражания был выбран не только из-за громкого имени, может, было не вполне осознанное еще ощущение соприродной Элиоту веселости, к которой и сам Фолкнер так жадно стремился.

Неправильно было бы, впрочем, ограничиваться одной лишь американской литературой. Об этом я, собственно, с самого начала сказал. Как известно, после Джеймса, Элиота, Паунда другой стала вся мировая литература. Из этой «многорукавной шинели» вышли многие и многие, начиная с Хемингуэя, кончая латиноамериканцами и теми, кого называют и кто сам себя называет постмодернистами. Это эмигранты-американцы. А ведь есть еще эмигранты-ирландец, Джеймс Джойс, писатель, как глыба нависающий надо всей литературой нынешнего столетия.

Так что же из всего этого следует?

А то и следует, что эмиграция, вынужденная ли, добровольная ли, будучи, как правило, личной драмой писателя, для культуры в целом оказывается явлением продуктивным и даже творчески необходимым. Писатель-эмигрант не надеется осваивается на иной почве — он приносит традиции своей культуры. Даже если дома не написано ни строчки. А с другой стороны, он обогащает родную культуру, даже пребывая вонне физически, иными творческими идеями.

Так возвращается, совершив головокружительное путешествие, брошенный кем-то бумеранг.

Томас БЕЙЕР

(президент
Русско-Американского Института
Мидлбери колледж, США)

Русский Берлин. Экспатриация? Изгнание? Эмиграция?

В начале двадцатых годов Берлин, по словам Глеба Струве, стал «литературной столицей» России¹. Сегодня, после трагических событий тридцатых годов в гитлеровской Германии, забыта та традиция, которая привлекла сто тысяч русских в Берлин и еще триста тысяч в другие части Германии. Каковы были причины, по которым даже после войны Берлин оказался таким притягательным культурным и политическим центром?

Не последнюю роль здесь сыграли политические факторы, в том числе Брест-Литовский договор и экономический договор 6 мая 1921 года, по которому Веймарская республика фактически признала Советскую Россию. Уже в ноябре 1921 года Россия имела дипломатическое представительство в Берлине, а в апреле 1922 года по договору Рапалло между двумя странами устанавливались не только дипломатические, но и экономические отношения. Василий Немирович-Данченко описал положение в июне 1922 года такими словами: «Германия сейчас земля обетованная. К нам относятся приветливо, а после соглашения с

Короленко, Сологуб, Горький, Ремизов, Белый — все получили разрешение на выезд.

Кто они — эти обитатели «русского Берлина», или, говоря словами А. Белого, «старства теней»? Эмигранты, экспатрианты, изгнанники? Статус, конечно, у каждого свой — в зависимости от причины, которая вызвала выезд. Если считать эмигрантом того, кто добровольно уезжает с намерением остаться в новой стране, то тогда большинство из них не было эмигрантами. Русские сами смотрели на берлинский период как на промежуточный, временный, до улучшения экономического и политического положения на родине. Только в конце 1922 года встречаем мы здесь настоящих изгнанников — Бердяева, Франка и других, высланных из России без права на возвращение.

Чтобы понять сложность и разнообразие берлинской колонии в эти дни, достаточно посмотреть список людей, выступавших на литературных вечерах Берлинского дома искусств и Клуба писателей: Андрей Белый, Алексей Ремизов, Илья Эренбург, Алексей Толстой, Борис Пильняк, Сергей Есенин, Марина Цветаева, Владимир Ходасевич, Виктор Шкловский, Борис Пастернак, Николай Ошуп, Владимир Маяковский, Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Вера Лурье, Федор Степун, Николай Бердяев, Нина Берберова и др.

Здесь отсутствует самый знаменитый русский писатель Берлина, Владимир Набоков, но тот тогда только начинал свою литературную карьеру — после гибели отца и возвращения в Берлин весной 1922 года. Его первые шаги остались почти незамеченными на фоне творчества «кружных» писателей того времени. Любопытно, что у них всех почти не было контакта с представителями немецкой интеллигенции. Одно знаменитое исключение — выступление Томаса Манна на вечере ДИСКА в марте 1922 года.

Если повнимательнее посмотрим на этот список и проследим судьбу всех этих писателей, то получим ответ на вопрос: «Что такое русский Берлин: эмиграция, экспатриация или изгнание?» Борис Пильняк приехал в Берлин в феврале 1922 года без намерения остаться там навсегда и вернулся в Россию через пару месяцев. Есенин прилетел на первом самолете из Москвы в Берлин с Александрой Дункан, устроил скандал в Доме Искусств и тоже не стал постоянным членом берлинского общества. Маяковский и Пастернак также бывали в Берлине только гостями.

Вторая группа пробовала обустроиться в Берлине, но решила, как и каждый по-своему, что жить в России лучше, чем жить вне ее. В этой группе — Алексей Толстой, Виктор Шкловский, Илья Эренбург, Андрей Белый. Последний в своих статьях и выступлениях дает объяснение этого возвращения. Уже в мае 1923 года в статье, написанной в конце 1922 года «О «России» в России и о «России» в Берлине», Белый готовит дорогу обратно:

«Увы, понял ненужность теперешних выступлений в Берлине, работа культурная здесь представляется в данных условиях вред ли возможной мне: факт восприятия это — не более. Знаю: в Берлине так много учащих; молодежь современной России (интеллигентская и рабочая) мне понятна, известна; я был с ней в контакте; здесь, в Берлине, я чувствую часто чужим себя, непонятым, ненужным; и молодежи — не знаю; настроение русской публики кажется мне «курфюрстендаммным» каким-то, а лекции кажутся огниающими драгоценное «кафе-лантрафное», «прагердильное» время».

Он не был слепым и готовился к трудностям, которые ожидали его и других:

«Плнут об ужасах современной России; есть ужасы — да: ускокает сырьё, нет пособий учебных, нет школы (развалена); слгч друг друга: быть может, слят

еще где-нибудь. ...Вы не думайте, что я слепой, что не видел я «зверя» (стр. 219-220).

«И нет спора: в России писать тяжело (нет бумаги, чернил, типографий); ...очень трудно конкретно работать в России; и — вот же: работают. Этим — все сказано».

Человек — не «субъект» прагердильных продуктов. От хлеба я сят, и от пива я пьян, но я... голоден, голоден: дайте мне хлеба духовного! Холодно мне в этом «тепленском» месте культуры «берлинской России» (стр. 228, 232-233).

Среди вернувшихся есть подгруппа: люди, оставшиеся за границей после 1923 года, но впоследствии вернувшиеся в Россию, в том числе Максим Горький и Марина Цветаева.

Третья, и последняя, группа не вернулась назад — либо по личному желанию, либо была принуждена к этому советскими властями. Но даже и они в основном не задержались в Берлине. Экономический распад Германии, безумная инфляция разрушила в конце 1923 года русскую колонию. 1 января 1923 г. газета «Рувль» стоила 70 марок, 1 июля — 1000 марок, а 1 октября — уже 5000 марок. Один доллар по официальному курсу равнялся 40 миллиардам марок. Исчезновение тех причин, которые привлекали сюда русских, плюс собственный беспорядок, забастовки, дефициты (все это было знакомо тому, кто переживал трудные годы в России после революции) вели к массовому выезду из Берлина. Кто возвращался в Россию, кто ехал в Прагу (Берберова, Ходасевич; Марина Цветаева уже была там), кто — в Париж (Ремизов). В Берлине осталась незначительная группа малоизвестных молодых писателей, в том числе Владимир Набоков и Вера Лурье. Вера Осиповна Лурье, в 1920-е годы молодая поэтесса, учившаяся на курсах Гумилева в Доме искусства в Петербурге, член «Звучащей Раковины», все еще живет в Берлине — в той же узкой квартире, где она была свидетельницей гитлеровских ужасов, советского освобождения города и союзнической оккупации. Вера Лурье в своем последнем стихотворении на русском языке суммирует пережитое лучше меня:

Берлин

Не узнать старых улиц Берлина
После долгих годов сатаны.
Оставались там только руины
И калекки от бомб и войны.

А в двадцатье давние годы
Ехал мимо балкона трамвай.
На балконе писала я оды,
С улиц слышен собачий был лай!

Свеж был воздух, не пахло бензином,
Не торчали под небом дома,
И больше не стрляли машины,
Холоднее казалась зима.

Это время давно миновало...
Новый город восстал из руин.
Только я еще не устала
Вспоминать тебя, старый Берлин!